

Робин Маккей. Ник Лэнд, опыт ингуманизма

Основатель издательства «Урбаномик» Робин Маккей о переиздании сборника текстов Ника Лэнда «Клыкастые ноумены» (Falmouth/NY: Urbanomic/Sequence Press, 2011)

Для всякого, кто знал автора этих текстов, затруднительно говорить о них, не вспоминая самого Ника Лэнда (учитывая тот факт, что согласно Нику Лэнду наших дней, человек, написавший их, больше не существует). И не из желания поддержать культ личности вокруг Лэнда (в чем его самого когда-то обвиняли), а для того, чтобы подчеркнуть – эти тексты остаток серии экспериментов. «Мыслительных опытов», но не тех, что философы проводят в уюте кабинетных кресел: Лэнд, написавший эти тексты, был одним из немногих философов, готовых позволить мысли увести себя за пределы подобного созерцательного удобства, и готовых подвергнуть себя риску во имя философии – даже, если в процессе потребовалось бы отречься от ее древнего имени и традиций.

Иэн Гамильтон Грант (бывший студент Лэнда, сегодня сам значительный философ) сказал об этом так: «Во второй половине двадцатого века, академические философы бесконечно говорили о внешнем, но никто из них туда не отправлялся. В показательном отличии от них, Лэнд проводил в неизвестном эксперименты, неминуемые для философии, захваченной в абстрагирующем завывании пост-политической кибернетики». Лэнд добивался «внешнего» философии, скрещивая ее с другими дисциплинами, – от нанотехнологий до оккультизма, от математических вычислений до антропологии. Тем не менее, он стремился к «внешнему» в более радикальном смысле. Междисциплинарные исследования предпринимались ради единственной цели – избежать антропного консерватизма «философской мысли», «подхваченного» от здравого смысла, который, в свою очередь, является результатом эволюционных процессов, чьи случайные обстоятельства обусловлены геологической историей планеты. Борьба Лэнда против того, что он называл «Системой Человеческой Безопасности» — конечного результата сокрушительного и всеобъемлющего наследия «стратификации», нормирующего и ограничивающего возможности интеллекта, – сделала необходимым неустанный поиск новых перспектив. Как еще вести подобную безуспешную борьбу против заключения потенциального интеллекта в космически-реакционных формах социального, институционального, личного и философского?

Прибыв в 1992 году в Уорикский университет – строгий, бетонный кампус, расположенный среди серых и дождливых британских Мидлэндс, – я был нервным, неискушенным подростком, наполненным надеждой, что философия подарит мне доступ к чему-то, вроде «внешнего», или хотя бы интеллектуальное приключение. Почти полностью подавленный разочарованием и ужасом реалий академической жизни на протяжении нескольких недель, я, наконец-то, испытал облегчение, встретив преподавателя, который высказывал мысли на самом деле что-то значившие: «*Думай о жизни как о разверстой ране, которую ты ковыряешь палкой ради собственного развлечения*». Или: «*Задача философии только в одном – создании неприятностей*». Лэнд был терпим к моему присутствию в его кабинете, сопровождавшемуся питьем кофе и курением, в то время как он, по обыкновению взвинченный и вздрагивающий от стимуляторов, работал на своем комично-старомодном «Амстраде» с зеленым экраном, и пылко делился последними озарениями, которые он почерпнул из молекулярной биологии, нанотехнологий или нейробиологии. Сложно было не впечатлиться человеком, который

вкладывал все свое существо в дело – для которого философия не была ни работой с девяти до пяти, ни непосредственным жизнеутверждающим трудом; который воспринимал всерьез нелепое, отдающее манией величия, стремление философии сводить все известное в грандиозную умозрительную структуру. Он обладал уникальной способностью открывать сознание студентов навстречу концептуальным ресурсам истории философии так, что философские размышления казались конкретными и безотлагательными – тайный склад оружия для «создания неприятностей», инструментарий для ухода от всего гнетущего, подавляющего и скучного.

До того как я встретил Лэнда, я знал о нем со слов первокурсников, пораженных слухами: неужели Лэнд *на самом деле* утверждает, что он вернулся из мертвых? неужели он *на самом деле* думает, что он – андроид, посланный из будущего, чтобы подрвать человеческую безопасность? При личной встрече он разоблачал подобные эпатажные утверждения (которые действительно можно найти в его текстах), будучи вежливым и дружелюбным, и к тому же заинтересованным в искренней беседе с кем бы то ни было. Он отдавал философии должное и мог постоять за себя в дискуссии с любым профессором, и тем не менее дискуссии зачастую заканчивались перебранками, поскольку Лэнд выступал против самой учебной институции и ее консерватизма. Вместо этого он предпочитал проводить время в баре со студентами – всегда покупая выпивку, безостановочно куря и общаясь с воодушевлением (а когда выдавалась возможность – и с неистовством) на любую тему.

Вероятно, Лэнд был не самым выдающимся учителем с точки зрения приобретения серьезных и цельных основ в конкретных предметах. Что гораздо важнее – его лекции имели неподдельную атмосферу воодушевления, подобную лекциям Делеза в Сорбонне времен 68-го, а не унылым курсам эпистемологии, которые приходилось терпеть в провинциальном британском университете 90-х. Курс, который он вёл, подчеркнuto назывался «Актуальная (current) французская философия» (подобная актуальность (currency) была чужда всей остальной учебной программе), и, что важнее, когда Лэнд преподавал, он делился промежуточными результатами собственного исследования. Это было неслыханно – философия *делается* здесь и сейчас, а не пересказывается?! Он сметал свою аудиторию в водоворот философии, экономики, литературы, биологии, технологий и дисциплин, еще не имевших названий, до того, как остановить их снова поразительным утверждением или афористическим заявлением. Пока Лэнд говорил, он рыскал по аудитории, иногда отсутствующе взбираясь на стул подобно диковинному горному козлу, иногда балансируя на корточках на сидении как богомол-переросток.

Для Лэнда все начиналось с Канта, чьи критики он читал как неосознанную инсценировку противостояния между социальным консерватизмом и едкими силами капитала, продолжившуюся дикими отрезками критики, развитой Ницше, Шопенгауэром и Батаем, которые отдавали предпочтение проблематизации и созданию неприятностей перед порядком. Он интенсивно изучал Хайдеггера и *деконструкцию*, от которых был склонен отрешиваться, но чьи основные устремления, тем не менее, наполняли его работу. Он черпал вдохновение главным образом в амбициозной *всеобщей истории контингентности* Делеза и Гваттари, – «Капитализме и шизофрении», – которую он пытался извлечь из французской философско-политической матрицы шестьдесят восьмого. Согласно Лэнду, эта работа была наполнена понятийным зарядом достаточным для того, чтобы разорвать на части ее же традиционно «политические» амбиции.

Его ранняя работа демонстрировала блестящие философские способности и сильное ощущение предназначения (нетерпимости, даже) по отношению к этим философским источникам. Однако, в какой-то момент, в середине 90-х, Лэнда как будто бы переключили, перенаправив его от всяких известных сфер философских исследований, и придав новую силу его текстам, которые изменили форму, стиль и содержание – так, что все три стали практически неразличимы. Все более чужеродные элементы смешивались с его философской аргументацией, которая, в свою очередь, все больше копировала экстравагантных представителей постструктурализма (Делеза и Гваттари, «Либидинальную экономию» Лиотара), давая начало совершенно новому жанру – *теория-фикшн*. Посредством этой формы Лэнд эффективно актуализировал то, что он сам видел в качестве основных ставок хайдеггерианства, структурализма и постструктурализма – осуществление «разрыва» с историей западной мысли. Обновленная попытка была необходима, поскольку эти философские движения, несмотря на собственные установки, доставили зарождающийся антигуманизм обратно в надежные руки институционально утвержденного жречества – этот напыщенный, созерцательный, лишенный жизни франкофильский культ «континентальной философии», который вышел победителем в англоязычной академии девяностых.

Поиск Лэндом иного способа мыслить принял форму экспериментирования с письмом, вышедшего, однако, *за пределы* письма. Поиск «знака», который не был бы отвратительно нарциссическим отражением Системы Человеческой Безопасности, требовал пренебрежения нормативным методом. Лэнд искал каналы коммуникации с «внешним» не через бесконечную внутреннюю критику философских текстов, но в популярной культуре: в пристрастиях первого поколения, выросшего в окружении технологий; экстраполяции киберпанка, такими авторами как Уильям Гибсон, который описывал «репрограммирование» этого поколения; в футурошоковых повествованиях таких фильмов как *Терминатор*, *Бегущий по лезвию*, *Хищник* и *Видеодром*; в ритмическом переформатировании тела в танцевальной культуре и в гибридном анти-языке нарезок оцифрованной музыки, которая двигала им (особенно это касалось *джангла*, только появившегося в середине 90-х). В этих практиках Лэнд усматривал *танатос* – влечение к смерти, неизвестное внешнее, – украдкой проникающее в человека посредством *эроса*. Безудержное производство новых разновидностей «эротических» приключений внутри капитализма положило начало преобразованию *человеческого* – обрывая его (культурные, семейные, и, в конечном счете, биологические) связи с прошлым, и открывая его же навстречу новому, неорганическому распределению аффектов. В сравнении с *известным*, – напластованиями органической избыточности в которой «человек» был захоронен, – подобные *неизвестные* должны быть утверждены без колебаний. И философская мысль также должна установить отношения с *эросом*, если она заинтересована в новых возможностях. Как следствие, вместо того, чтобы писать *об* этих вещах, Лэнд предложил раскрыть мобилизованные ими силы дегуманизации и дистиллировать их в форму «экспериментальных микрокультур»: усилить капиталистическое уничтожение языка посредством новых практик письма, речи и мышления, а также переподключить тело к его скрытым, молекулярными потокам, освобождая физическое и голосовое устройство, которое заключило его в режиме сигнификации[1].

Выбрав подобный метод, Лэнд не только отрекся от уважения коллег по академии, но много раз терял доверие даже своих сторонников, так как он пытался любым способом продраться через осадочные пласты стандартного человеческого поведения. В результате случались удивительные эпизоды: семинар, посвященный «Тысячи плато», на котором группа растерянных студентов, подстрекалась «читать» названия глав книги, превращая их в аббревиатуры, которые затем были нанесены в качестве векторов на диаграммы клавиатуры (*QWERTопология*); трехнедельный

эксперимент, заключающийся в отказе говорить от первого лица, и замене его на форму коллективной сущности Sur (включавшей основных участников «Актуальной французской философии», которые превратили лекции в непрерывный подвижный семинар); и самое запоминающееся – презентация на конференции «Виртуальные будущности» в 1996-м: вместо того, чтобы читать доклад, Лэнд выступил совместно с художественным коллективом Orphan Drift, взяв псевдоним DogHeadSurGeri[2]: он лежал за сценой, на полу (в «становлении-змеей», что составляло первую ступень телесной дестратификации), под звуки джангла каркая загадочные заклинания, прерывавшиеся отрывками из стихотворений Арто, написанных в сумасшедшем доме. В этой горячечной вокальной телеграфии, значение казалось расщепленным до самой фонетической материи, растворяясь в нарезанных битах, и действуя прямо на подсознательное. Когда Лэнд начинал говорить странным, сдавленным голосом (возможно, «абсурдно высокий... тон... который древние демонисты описывали как «ясный», и который со слов самого Лэнда, впоследствии насмехался над ним)[3], обескураженная публика начинала хихикать; демонический голос слегка колебался, пока чувство предназначения не брало верх над мимолетной неловкостью Лэнда, и по мере того, как «представление» продолжалось, публика затихала и глядела друг на друга с неуверенностью, как если бы они попали по ошибке на чьи-то похороны. Смущение рассматривалось Лэндом как один из остаточных комплексов, которые должны быть устранены для того, чтобы исследовать неизвестное – в противоположность силам академического одомашнивания, которые способствуют нормализации, порождая чувство неполноценности и стыда перед Мастерами, и перед тем, что еще предстоит изучить.

Возможно, как результат этого максимально широкого понимания «философии», только несколько из моих приятелей-студентов занимают сейчас академические должности (в основном, на ненадежных второстепенных позициях, и чаще в художественных институциях, чем на философских факультетах). С другой стороны, среди них есть романисты (Хари Кунзру, Джеймс Флинт), музыканты (Code9, один из создателей дабстепа) и публицисты, такие как Марк Фишер (блогер K-Punk, автор книги «Капиталистический реализм»)[4]. Другие разыскали Лэнда издалека, подобно иранцу Реза Негарестани, который выследил его в сети и начал долговременное онлайн-обсуждение, приведшее к написанию незаурядной книги под названием «Циклопедия»[5].

В то время события в Уорике также привлекали внимание заинтересованных из-за пределов студенческой среды: Рассел Хассвел, сейчас знаменитый саунд-артист и ди-джей, вспоминает, что его из близлежащего Ковентри привлекли слухи о странных идеях, распростаняемых Лэндом и остальными. Ныне всемирно известные художники Джейк и Динос Чапмены узнали о работах Лэнда в 1996-м и заказали ему текст для каталога их первой большой выставки в Лондонском институте современного искусства. Один из их оттисков, дань уважения влиянию Лэнда, (раз)украсил собой обложку «Клыкастых ноуменов».

С прибытием в Уорик Сэди Плант (автора истории ситуационизма «Радикальнейший жест» и киберфеминистического руководства «Нули и единицы») в 1995-м, экспериментальная деятельность Лэнда нашла временную институциональную базу в виде Группы Исследования Кибернетической Культуры (ГИКК),— управляемой студентами исследовательской группе с неясным статусом, и существование которой, со скорым отбытием Плант, отрицалось философским факультетом[6]. В университете и за его пределами, ГИКК организовывала выступления и события (*Виротехника, Роящиеся машины, Афробудущности*), в которых теория использовалась в качестве элемента наравне с музыкой, искусством и перформансом, но всегда с

опорой на неотъемлемую «лэндианскую» комбинацию концептуальной строгости и экспериментального метода. Они опубликовали серию эклектичных брошюр под названием «Абстрактная культура», описанных в музыкальном журнале The Wire как «поток понятийного беспокойства, в котором непредвиденные озарения вспыхивают словно чужеродные изображения привычного мира». Одна из серий («скоплений») «Абстрактной культуры» содержала классический текст Лэнда «Расплавление» (Meltdown), с воззванием к апокалиптической планетарной техно-сингулярности – темный восторг, с которым этот текст предвосхищал сингулярность был нигилистическим ответом растущему калифорнийскому кибер-оптимизму журнала Wired.

Лэнд все чаще утверждая, что он был обиталищем для различных «сущностей» - Cur, Vauung, CanSah, - разработал совместно с ГИКК нескольких псевдо-лавкрафтианских мифологий или «гиперверий» (hyperstitions*). Среди них была выдуманная персонификация самого коллектива ГИКК, в обличье криптографа профессора Дэниела Баркера. Баркер, «произошедший от» профессора Челленджера из «Тысячи плато» (в свою очередь, сам «гиперверовательное» (hyperstitional) заимствование персонажа Конан Дойля), развил «космическую теорию геотравмы», которая сочетает фрейдистскую теорию травмы и синкретический взгляд на естественную историю планеты. Как набросок вымышленной спекулятивной системы, «геотравматика» использует всё – от геологии и микробной эволюции до человеческой биологии и вокализации, истолковывая историю Земли как серию наложенных одна на другую травм, которые дают своим симптомом человеческую субъективность. «Баркер» пытался скрестить генеалогию Ницше, стратоанализ Делеза/Гваттари и теорию информации в целях «расшифровки» этой космической боли: создавая шизоаналитическую геокриптографию на замену эдипальному психоанализу.

В работах этого периода, антигуманистические спекуляции Лэнда сочетают игру слов и новое понимание антропологических, мифологических и психоаналитических источников «Капитализма и шизофрении». Его радовало «растворение» в коллективе ГИКК, который, вне всяких сомнений, преуспел в качестве «микрокультуры». Их загадочные, исключительно будоражащие и убедительные тексты, каждый из которых был написан всем коллективом, рассказывали о странных нечеловеческих сущностях, «гиперверовательных» персонажах и синкретических пантеонах; как если бы ГИКК коллективно проникла в неизведанные до настоящего времени области причудливых архетипов. Они успешно размывали линию между реальным и тем, что они называли «гиперверовательным»: выдумками, становящимися реальностью посредством коллективных практик.

Тем не менее, со временем Лэнд отделился от ГИКК, так как в его случае всё это интеллектуальное скрещивание и микрокультурная активность обрели сосредоточенную, схематичную форму в мышлении и практике того, что Делез и Гваттари достаточно туманно обозначили в «Тысяче плато» как «номадическое исчисление». Цифровые технологии, согласно Лэнду, раскрывают ту сторону чисел, которая изымает их полностью из режимов смысла и сигнификации, превративших язык в тюрьму для интеллекта; они даже удаляют числа из стратифицированной сферы математики, в чистую плоскость имманентной материальности, населенную исключительно «-тиками». Ускоряющийся посредством компьютерного моделирования планетарный эксперимент Капитала по «нанизыванию» человеческой культуры на эти *тик*-числа с целью ее разрыва, согласно убеждению Лэнда, мог позволить ему закончить то, на что деконструкция могла только указывать в ее бесконечных циклах философского мельтешения: обезвредить власть, установленную в языке и смысле, и открыть надежную линию коммуникации с чем-то

неизвестным – чистое материальное рассеивание, не заданное шаблонами, полученными из прошлого.

Лэнда все чаще можно было застать за интенсивными «механомическими» изысканиями, заключающимися в бесконечной перетасовке символов на зеленом экране своей устаревшей машины ночи напролет. К этому моменту он спал так мало, как только мог, и жил в своем кабинете. От романтического видения побега посредством коллективного либидинизированного действия, он, по-видимому, пришел к холодной и чрезвычайно непродуктивной абстрактной деятельности, осуществляемой в изоляции. С другой стороны, можно сказать, что он возвратился к чему-то вроде поэзии, хотя и отстраненной от выразительности и смысла. И всё же это знак того, что Марк Фишер назвал «безрассудной честностью» Лэнда, – как только он свел проблематику до ее сути, то полностью отдался ей. Он с энтузиазмом делился своими числовыми открытиями с теми, кто всё еще слушал, но никто, без исключений, не понимал.

Сразу оговоримся: Лэнд «тронулся умом» в любом нормативном, клиническом или социальном смысле этого выражения. После он не уклонился от тщательной документации процесса, как если бы это была подробная запись провалившегося эксперимента[7]. Он рассматривал вырождение своего «прорыва» (breakthrough) в «срыв» (breakdown) как окончательное и унижительное доказательство невозможности для человека избежать «тяжелого случая», темницы личного я. К несчастью для Лэнда, у него не осталось возможности решить, были ли его спекулятивные прозрения проблесками доступа к трансцендентальному (как он верил в разгар своего бреда), или просто жалкими расстройками души, прижатой к смехотворным границам собственной выносливости. Эксперимент был закончен.

Когда я связался с Лэндом по поводу переиздания его работ, он не возражал, но и ничего не захотел добавить. *«Это другая жизнь; мне нечего об этом сказать – я даже не помню как писал и половину этого... Я не хочу заниматься ретроспективным осуждением моих старых работ – думаю, будет лучше спокойно отстраниться. Они – в когтистых объятиях мертвящего (undead) амфитаминного бога».*

В течение короткой карьеры, закончившейся, когда он был «отправлен в отставку» из Уорика в конце 90-х, Лэнд опубликовал одну книгу. В 1992-м появилась “Жажда уничтожения”[8] – книга о Жорже Батае, которую лучше было бы охарактеризовать как книгу, написанную *вместе* с Батаем. Потратив большую часть первой главы на критику второстепенных исследований за недостаточную смелость подхода, Лэнд продолжает, размечая свой «внутренний опыт» в диалоге с терзающей мыслью Батая. На протяжении всей книги философский анализ время от времени распадается, превращаясь в поэзию, а также самоненавистнические и атеистические тирады. «Жажда уничтожения» до сих пор высоко ценится в определенных кругах, и даже остается талисманом для тех, кто натолкнулся на нее в поисках жесткой, трансгрессивной литературы. Это, безусловно, исключительная и мощная книга. Для многих из нас, тем не менее, она никогда не схватывала широту и новаторство работ Лэнда в период с середины до конца 90-х. В «Клыкастых ноуменах» наконец собраны самые различные работы, написанные в этот период, и впервые может быть намечена траектория мысли Лэнда, как и оценена ее философская значимость. Когда я писал предисловие вместе с Рэем Брассье (также бывшим студентом Лэнда, проницательным и оригинальным философом, одним из тех, кто не отрекся от «неудобных» последствий влияния Лэнда), я понял насколько харизма и репутация Лэнда, его собственное стремление к несерьезному обращению с философией *как таковой*, а также искушение своих врагов

преувеличениями, помешало любому систематическому *философскому* признанию его работы. Как было сказано выше, его работа, скорее, оказала влияние в других сферах. Но нужно признать, что это влияние, в конечном счете, укоренено в глубоком и нестандартном характере пересмотра им того, как заниматься «философией».

Он был молодым лектором, работающим, вероятно, в одной из самых консервативных дисциплин в академии, и активно обращавшимся в середине 90-х к темам, которые в то время были бесспорно экстравагантными, а сейчас являются важными элементами дебатов: биотехнологии, радикальный ислам, интернет как вызывающий привыкание наркотик, подъем Китая в качестве экономической силы – всё это появляется в «Клыкастых ноуменах», в текстах, написанных в то время, когда коллеги Лэнда твердили (в лучшем случае) о поэзии и живописи, Присутствии и истории метафизики.

Лэнд открывал новые возможности в то время, когда «континентальная философия» начала марзматический спад в сторону институциональных группировок, каждая со своими Учителями и многотомными Библиями, с посвящениями и литургиями. Он дал нам иной способ прочтения истории философии, сделав ее неистовой, коммуникативной, связующей и живой. Его окончательный крах, конечно, дал системе возможность отвоевать свои позиции и заделать брешь, фактически подчистив все следы этого иного пути. Но он был заново открыт новым поколением мыслителей, которые устали от заточения философии в «тексте», и которые возвращаются теперь к вопросу о том, как «мыслить внешнее».

Бескомпромиссный труд Лэнда был и остается поляризирующей силой. С одной стороны, левые не переносят его дерзкой и безрассудной стороны – беспечного чествования капитализма, обезвреживающего традицию, иерархию и организацию, в любых их проявлениях. По той же причине, он представляет свежую альтернативу как и благочестиво-отсталой гуманистической этике, так и волюнтаристской политике чудотворного «события», проповедуемой в последние годы Бадью и другими. С другой стороны, правые в той же степени осуждают безответственность Лэнда и его отказ от иллюзии, согласно которой вектор капитализма конститутивно связан с любой позитивной человеческой программой.

В настоящее время, работая журналистом в Шанхае («нео-Китае» как он писал в те дни, когда футуристическая архитектура города была всего лишь лихорадочным предвкушением), Лэнд до сих пор пишет онлайн-комментарии, создавая своеобразный спекулятивно-журналистский сплав[9]. Они все еще свидетельствуют о его уникальном таланте прямого и эрудированного обращения к современному ландшафту планеты, не отрекаясь от философской амбиции создания «универсальной истории» этого планетарного безумия.

Один из наиболее запоминающихся тезисов Лэнда состоит в том, что вследствие процесса обратной положительной связи обустройства Земли капитализмом, этот процесс удваивает собственную мощь в уменьшающиеся периоды:

Сходящаяся на земной расплавленной сингулярности, постепенно свертываемая культура ускоряется посредством разгоряченного цифро-технического адаптивного ландшафта, минуя пороги компрессии, нормированные до интенсивной логистической кривой: 1500, 1756, 1884, 1948, 1980, 1996, 2004, 2008, 2010, 2011 ...

Ничто человеческое не спасется из ближайшего будущего.

[...]

*Мусорное время** истекает.*

Может ли то, что играет тобой, добраться до второго уровня?

(«Расплавление»)[10]

Для Лэнда подобные теоретические утверждения были также механизмами возбуждения, устройствами для ускорения и соединения с планетарной интенсификацией, которая в конце концов позволит «телам без органов» сбросить человеческую кожу. Если Философия, таким образом, становится формой *хайпа* (или «гиперверия», согласно неологизму ГИКК), не правы ли противники Лэнда (сейчас, как и тогда), говоря, что его точка зрения полностью неотличима от пассивного принятия «неоконсервативной» программы, и что его теоретическая поддержка «акселерации» капиталистического процесса, на деле просто подтверждает сохранение капиталистических структур власти, а не обезвреживает их (ни революционно, ни последовательно).

И в самом деле, попытки Лэнда достигнуть пылающей основы планетарного процесса, соединяя понятийную мысль с либидинальной энергией культуры, всегда балансировали между романтизмом избавления *от*, и сомнительным желанием идентифицироваться с «интересными» и «интенсивными» феноменами, явленными капитализмом. Лэнд постепенно отказался от «осторожного» разделения капитализма Делезом и Гваттари на «хороший» дестратифицирующий или детерриториализирующий аспект, и «плохие» механизмы ретерриторизации, как от слишком консервативного подхода. Во имя бескомпромиссной ненависти к узам человеческого, он рискнул полной капитуляцией новым силам (слишком человеческим), которые овладели землей как только ее старые структуры власти были обезврежены, и которые пользуются каждым низменным инстинктом *homo sapiens* для своих, предельно банальных, целей.

Но принять подобную точку зрения, значит пренебречь сильнейшей стороной текстов Лэнда. Его вызов был двойным: он состоял не только в попытке «расплавить» письмо до состояния имманентности описываемым процессам, но также в посвящении себя осмыслению *реального процесса* захвата человеческого Капиталом (и наследия этого процесса в философии), а также в признании смехотворного бессилия «человека» в сопротивлении этому процессу. В этом отношении он не был опровергнут, несмотря на увеличение количества попыток выдать желаемое за действительное. Его работы до сих пор четко формулируют в различном виде задачу мыслить современную жизнь на нашей планете: планете, которая управляется из будущего чем-то, что приходит извне личных или коллективных устремлений, и в отношении которого мы уже дольше не можем притворяться, что оно имеет нечто общее с разумом или прогрессом.

Примечания:

[1] See 'Barker Speaks,' Fanged Noumena, 493-505.

[2] 'Katasonix,' Fanged Noumena, 481-91.

[3] 'A Dirty Joke,' Fanged Noumena, 632.

[4] London: zer0 Books, 2009.

[5] Melbourne: re.press, 2008.

[6] On the CCRU, see Simon Reynold's article 'Renegade Academia':
<http://energyflashbysimonreynolds.blogspot.com/2009/11/renegade-academia-cybernetic-culture.html>

[7] See 'A Dirty Joke,' Fanged Noumena, 629-34.

[8] London: Routledge.

[9] <http://www.thatsmags.com/shanghai/news-features/urban-future-blog>.

[10] Fanged Noumena, 443.

Примечания переводчика:

*Hyperstition – неологизм, образованный от англ. hyper- («сверх-», в значении «избыточный, повышенный») и superstition («суеверие; предрассудок»). Тем не менее, «hyperstition» отличен от предрассудка, поскольку отсылает не столько к иррациональному полю, сколько к пространству культуры в целом, в котором «hyperstition» успешно функционирует в качестве реального механизма. Со слов самого Лэнда, «hyperstition» характеризует «превращение вымысла в реальность», «самим фактом своего существования в качестве идеи, являясь причиной собственного воплощения в качестве реального».

**Мусорное время – спортивный термин, обозначающий остаток времени, который необходимо доиграть в условиях, когда исход самой встречи уже предрешен.

Перевод Павла Борисова. Особая благодарность Диане Хамис за помощь в подготовке перевода.

Translated by Pavel Borisov, Murmansk, 2016